

*Посвящается Трейси,
которая поддерживает в моей жизни порядок,
а также Маркусу и Кэлли,
которые приносят в нее беспорядок*

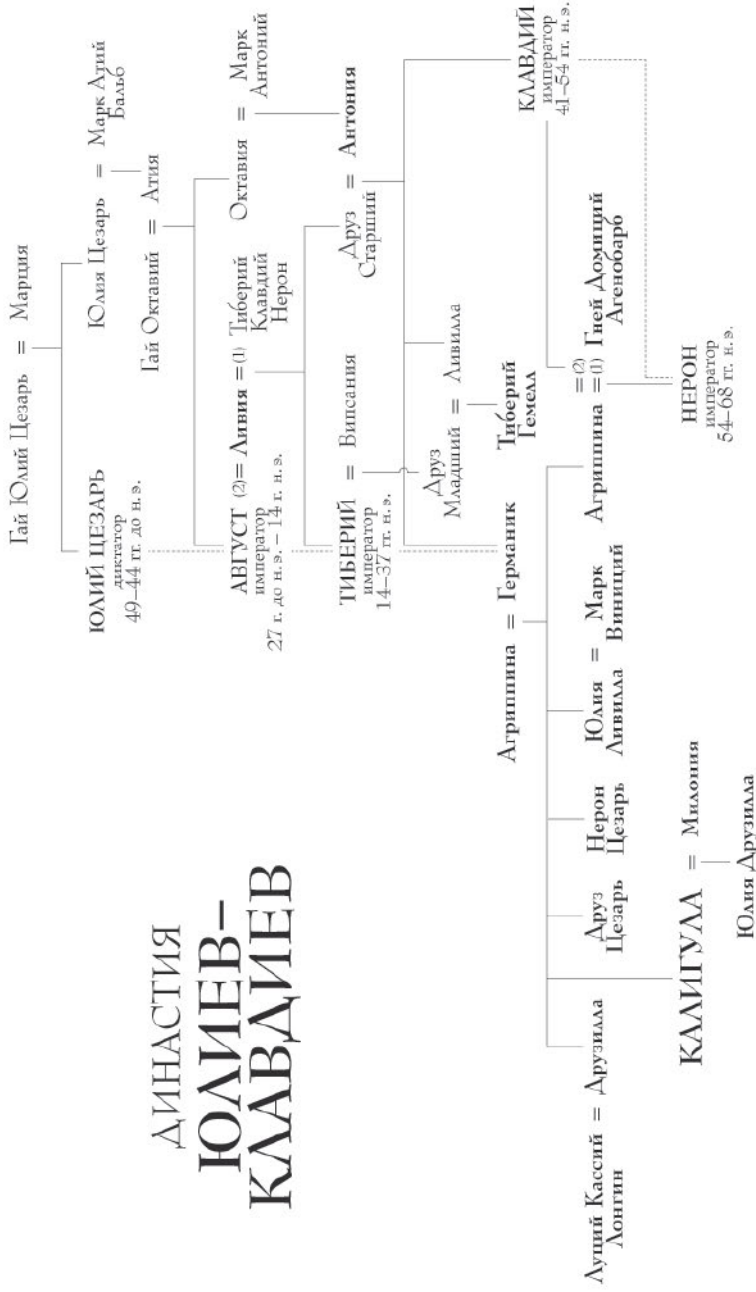
DAMNATIO MEMORIAE

В Древнем Риме после смерти императора сенат обычно прославлял имя усопшего и даровал ему божественный статус с соответствующими почестями, но если императора презирали или ненавидели, то сенат мог поступить с точностью до наоборот — проклясть его, а не обожествить. Это и есть *damnatio memoriae*, что означает «осуждение памяти» (современный термин). Без колебаний и церемоний имя императора удалялось из документов и публичных надписей (этот процесс известен как *abolitio nominis*), его лицо соскабливали с фресок, посвященные ему статуи разбивались. Порой даже переплавлялись монеты с его изображением. Осужденному императору не только отказывали в восхождении на небеса, но и вычеркивали из истории. Такова была участь порочных, непопулярных или неудачливых правителей.

Сестерций времен правления Калигулы с портретом его сестер на реверсе: слева Агриппина, Друзилла в центре и Ливилла справа.

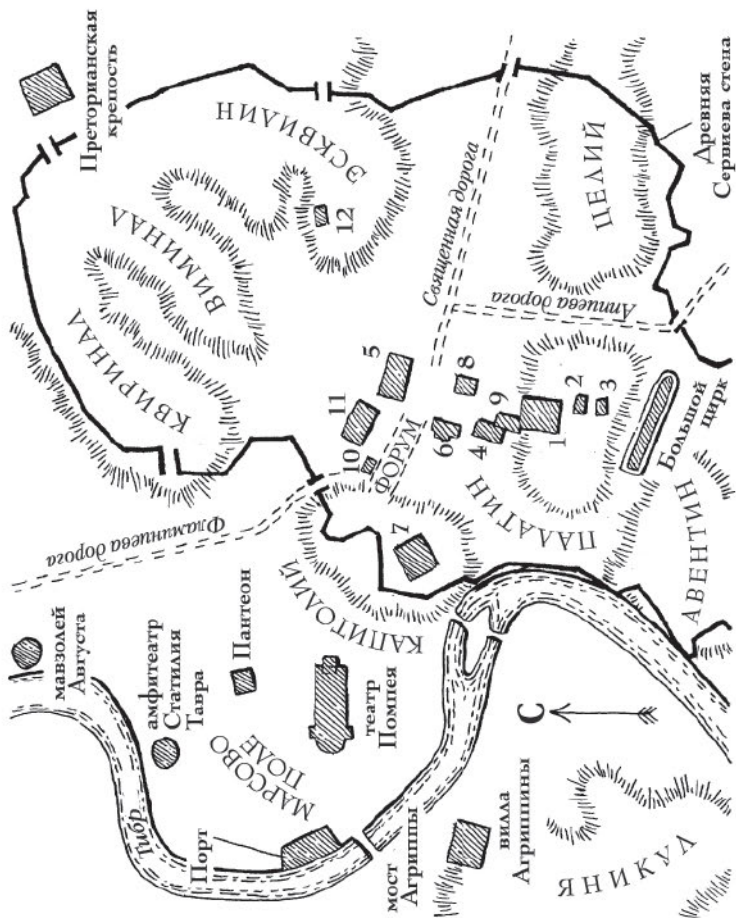
ДИНАСТИЯ ЮЛИЕВ- КЛАВДИЕВ

РИМ КАЛИГУЛЫ

- 1 дворец Тиберия
- 2 дом Антонии
- 3 дом Августа
- 4 храм Диоскуров
- 5 базилика Эмилиа
- 6 Ротра
- 7 храм Юпитера
- 8 храм Божественного Цезаря
- 9 пристройка Калигулы
- 10 Туаллан, подземная тюрьма
- 11 Курия
- 12 дом Прокула

0 500 1000 1500 м

Сначала сверкание вспышек.

Ослепительные, выжигающие глаз сполохи красного и белого постепенно сливаются в багровый купол. Словно клинки, его пронзают сияющие лучи римского солнца. Мир под этим куполом отвратительно алый, и солнечный свет колет и рубит его своими острыми мечами.

Издали все еще слышен рев толпы.

Я шагаю медленно, спокойно.

На меня нисходит странная апатия, чувствую себя утлой лодкой на бурных волнах моря отчаяния, которое всегда со мной, темное и бескрайнее, грозящее поглотить. Однако неожиданно все меняется. В бесстрастный покой моего ума врываются новые эмоции... неистовые, пугающие.

Внезапный страх. Шок. Даже ужас. Этого не может быть!

Моя рука взмывает, чтобы отвести невидимую угрозу. Нет! Вокруг только самые близкие. Это невозможно. Подобные угрозы исходят от врагов, не от друзей.

Блеск металла. В меня летит голубая норикская сталь, подсвеченная вездесущим ядовитым багрянцем. Я отшатываюсь, и лезвие, которое искало мое горло, утыкается в кость.

Агония. Всплески боли и паники. В это невозможно поверить... Я в ужасе!

Появляется кровь. Передо мной моя рука, нелепо черная посреди красноты смыкающегося мира. О, сколько крови!

Я пытаюсь что-нибудь сделать, но мне не дают. Меня держат.

Помощи ждать неоткуда, меня хотят уничтожить самые близкие. Почему? В чем моя вина?

Я кричу, но мой крик не вылетает наружу, вязкий багряный купол ловит его и швыряет обратно. Где-то далеко все еще ликуют мириады голосов, никто не знает, что я в беде.

Теперь остается лишь паника. Я ничего не могу предпринять.

Лезвие, заалевшее еще ярче от моей крови, отодвигается. За ним — звериное лицо, клыки обнажены в оскале, как у волка, который защищает недоеденную добычу от собратьев по стае.

Я все еще стремлюсь действовать, сопротивляться, но мне не дают шевельнуться. Рана, в которой обагрилось лезвие, горит огнем в моей плоти, от нее по всему телу расплзаются щупальца боли. Так вот каково это — видеть, как твоя жизнь обволакивает меч... На миг я ловлю в маслянистой красной пленке отражение своего лица. На нем нет паники, нет страдания. Только печаль.

Не этого лезвия следует бояться.

Тот клинок, который забирает у меня мой мир, невидим. Металл проходит сквозь мышцы, и я чувствую, как обрезаются нити, привязывающие жизнь к брэнной плоти. Мое сердце замирает — его пронзает стальное острие.

Я широко раскрываю глаза. Ко мне приближается звериный лик. Я уже мертв, но еще стою — еще чувствую, как это чудовище снова втыкает в меня лезвие. Сзади второй удар. И сбоку третий. Каждый удар теперь — это оскорбление, ничего более, поскольку смерть уже наступила. Каждый новый удар — обвинение от тех, кого я люблю и кому доверяю.

Тридцать ударов в итоге. Тридцать ран, которые терзают не только плоть, они режут самую душу.

Теперь я падаю, багровый купол отдаляется, вспышки лучей-кинжалов не в силах меня согреть. Ничто меня больше не согреет.

Я вижу самое родное лицо на свете...

Я распахиваю глаза, подо мной мокрый от пота тюфяк. Что это было — всего лишь сон? Или нечто большее? Теперь я помню. Помню, кто я. И помню, как все начиналось.

Часть первая
ДЕТИ ГЕРМАНИКА

В лагере был он рожден, под отцовским оружием вырос:
Это ль не знак, что ему высшая власть суждена?

*Плиний, цитируемый Светонием в «Жизни Калигулы»
(перевод М. Л. Гаспарова)*

Глава 1

ПРАХ И ПУСТОЕ СЕРДЦЕ

Меня зовут Юлия Ливилла, я дочь Германика и сестра императора Гая, известного как Калигула. И полагаю, будет логично начать рассказ с моего первого воспоминания о доблести брата.

Мой отец, великий военачальник, любимый Римом, если не его императором, провел год в Сирии, наводя там порядок. Он покинул сей мир из-за внезапной болезни. Или из-за императорского яда, как полагали некоторые — например, моя мать. У меня, разумеется, не сохранилось воспоминаний о том песчаном крае. Когда отца не стало, я была несмышленным младенцем. Мать, собрав детей, с прахом мужа и пустым сердцем вернулась в Рим.

Итак, я прибыла в Рим, сидя на руках у матери, в год правления консулов Силана и Бальба в сопровождении свиты смерти. Мы явились из дальних земель в скорбящий город с порочным императором. Мы высадились в Остии, перебрались оттуда в столицу и прошествовали по улицам торжественным шагом: безутешное семейство между воющими толпами, собравшимися, чтобы увидеть, как возлюбленный Германик в последний раз приехал домой. Мы хранили холодное безмолвие и строгий вид — Друзилла и Агриппина, Гай и я, мать и многочисленные рабы и слуги. Конечно, я была еще малюткой, потому все собственные воспоминания давно растворились, и от того дня у меня остался лишь один образ: мой брат берет

на руки сестру Друзиллу, чтобы поберечь ее ноги, и несет ее через Форум под дивной радугой, возникшей в синем небе.

Единственный фрагмент первых лет жизни: радуга, шумные толпы, похороны и мой брат в наилучшей своей ипостаси.

Прошло четыре года. Мы жили в Риме большой, дружной, пусть и не всегда во всем согласной семьей. Помимо богатого городского дома на Палатине, в котором вырос мой отец, у нас была ухоженная вилла матери с бескрайними садами на дальнем берегу Тибра, откуда виднелся громадный овал театра Помпея. Это почти сельское жилище мать предпочитала городскому. Мне нравилось думать — вероятно, по наивности пятилетнего ребенка, — что в этом выражалось желание матери провести остаток жизни там, где хранились только радостные воспоминания о ее муже. Агриппина и Калигула, куда более проницательные и тонко чувствующие, чем я, полагали: настоящая причина в том, что мать упорствовала в убеждении, будто приказ убить ее мужа исходил от Тиберия, и ей непереносима сама мысль жить с ним бок о бок на Палатине.

Я же в свои пять лет просто радовалась садам и относительно чистому воздуху на нашем берегу реки, вдали от летней вони перенаселенных улиц Рима. Время шло. Я наслаждалась счастливым детством, проводя дни в играх с собаками, обитающими на вилле, и в бесконечных детских развлечениях, в которых частенько рвала и пачкала свою одежду. Мои братья и сестры тоже росли. В Риме Нерон и Друз облачились в тогу вирилис, что в глазах города делало их взрослыми, и оба меланхолично бродили по коридорам виллы в ожидании, когда их

пошлют в легионы в качестве трибунов. Агриппина, достигшая восьми лет, уже пробовала себя в играх власти: она постоянно натравливала друг на друга рабов, слуг, бывших подчиненных нашего отца, — ради забавы, но и всегда с выгодой для себя. Друзилла, моложе ее на год, пока довольствовалась тем, что в кружке своих приятелей играла роль императрицы. К нам частенько заглядывал сын бывшего консула Марк Эмилий Лепид, он по уши влюбился в Друзиллу и благоговел перед ней так, будто под ее ногами расцветали розы. Несмотря на нежный возраст, во мне проклюнулись первые ростки зависти к моей безмятежной красавице-сестре: без малейших усилий с ее стороны все взоры обращались к ней, тогда как меня почти не замечали. Ах, надо было мне дружить с Друзиллой, а Агриппины, наоборот, опасаться!

Одно время мы пребывали в напряжении, потому что Калигула, на тот момент голенастый мальчишка одиннадцати лет, начал задирать Лепида, состязаясь с красивым гостем за внимание Друзиллы. Каждый визит Лепида приводил нас с Агриппиной в трепет: затаив дыхание, мы ждали, когда младший из наших братьев набросится на мальчика, отстаивая свое право на близость с Друзиллой. Дело в том, что с ранних лет Гай отличался вспыльчивостью — таким он уродился. Все его чувства были сильными и открытыми, он мгновенно выходил из себя, но при этом горячо любил, умел сопереживать и мог тут же колко, обидно подшутить. В конце концов все разрешилось самым мирным образом. Однажды утром Лепид вошел в наш дом с подарком для задиры — ножом, украшенным драгоценными камнями. Это был маленький сувенир, дорогой и почти бесполезный, несмотря на весь свой блеск. Но его преподнесли в знак дружбы, и наш брат принял подношение. С тех пор Калигулу редко ви-

дели без ножа, а Друзиллу он отныне делил с другом. Конфликт между мальчишками был исчерпан, однако мои приступы ревности не ослабели. Меня по-прежнему задевало, что все внимание неизменно достается моей прелестной хрупкой сестре.

То были счастливые дни. Но в год правления консулов Поллиона и Вета пришли перемены. Как-то раз, когда старшие мальчики и наша мать занимались делами на вилле, а младшие дети с друзьями играли во внутреннем дворе около фонтанов, в ворота, возвещая приход гостей, дважды стукнул тяжелый бронзовый молот. Кривоногий привратник выбрался из своей лачуги. Барабаня пальцами по осиновой дубинке на поясе, он доковылял до ворот и приоткрыл одну створку. После короткого, резкого диалога распахнул створки — и вошли солдаты.

Так я впервые увидела преторианцев — во всяком случае, впервые увидела их, понимая, кто это. А они, хотя и носили гражданские одеяния, явно были воинами. Каждый носил тогу словно броню, непробиваемую и мраморно-белую, и руку держал возле выступающего под тканью бугра, в котором легко угадывалась рукоять меча. Преторианцы все до одного хранили мрачное молчание, жесткие губы сомкнуты, челюсти стиснуты. Хрустел гравий на дорожке под солдатскими калигами с шипами на подошвах. Этот звук мне был хорошо известен. Солдаты не являются на виллу просто так, и уж тем более не приходят просто так преторианцы.

При виде них меня охватила паника, я задрожала. В присутствии императорской гвардии соображения матери о причинах смерти отца больше не казались надуманными. Наверное, я вскрикнула, потому что Калигула

бросился ко мне и крепко обнял, приговаривая ласковые слова, в которых не было никакого смысла. Его речь всегда имела легкий гипнотический эффект, если только он не злился.

Забыв о своих играх, мы следили за тем, как солдаты заходят в дом. По мраморному полу цокали их грубые башмаки. Внутри преторианцы пробыли несколько мгновений — лишь пару раз стукнуло сердце. Вероятно, доставленное ими послание было столь же прямолинейным и лаконичным, как и их манеры. Едва они покинули виллу и явно в нетерпеливом ожидании застыли за воротами, из дому поспешно вышла мать в сопровождении нашего управляющего и стайки рабов. Следом появились Нерон и Друз, оба в тогах, под которыми виднелись мечи, чем неприятно напомнили преторианцев.

— Лепид, Каллавия и Туллий, боюсь, вам придется уйти. Гипсикл, наш управляющий, отведет вас по домам. — Мать с суровым видом повернулась к нам. — Дети, идите в дом и наденьте лучшую свою одежду. Нас призывает к себе император. — Она оглядела нас, и ее глаза задержались на мне. — Ливилла, и как ты успеваешь испачкаться с головы до ног за такое короткое время? Умойся и причешись. И поторопитесь! Это всех вас касается. Императоры ждать не любят.

Мы бегом бросились в дом приводить себя в порядок, управляющий собрал наших друзей, чтобы отвести их домой, а мать словно только сейчас заметила старших сыновей.

— Что это вы затеяли, во имя Венеры? — (На лицах юношей отразилось недоумение.) — Мечи... Почему вы их надели?

— Но ведь преторианцы с мечами, — нахмурился Нерон.

— Ни один гражданин не носит оружие в городе! — прошипела мать. — Таков старинный, непреложный закон. Для преторианцев сделано исключение по приказу самого императора, так как им мечи необходимы для выполнения прямых обязанностей. Но вы обычные горожане, частные лица. Снимите мечи немедленно, пока вас не арестовали.

В то время как старшие братья сражались со своими тогами, отстегивали от пояса мечи и с помощью рабов заново заворачивались в хитроумные складки ткани, мы торопливо готовились к встрече с императором. С удивительной быстротой вскоре мы снова собрались во дворе — нарядно одетые, чистые и причесанные. Мать прошла перед нашим строем взад и вперед, словно генерал, осматривающий войска, и мне подумалось, что она, должно быть, сейчас похожа на нашего отца. При виде серебряного ножичка, который Калигула заткнул за пояс, мать приподняла бровь, но ничего не сказала — все-таки это скорее игрушка, чем боевое оружие.

Мы погрузились в большую повозку, поспешно выведенную к воротам, и спустя несколько минут она уже катилась в сторону города в кольце из преторианцев императора. Когда мы въехали на мост Агриппы, из-за плотного движения солдатам пришлось разделить и занять место впереди повозки и позади. Едва они отошли, мать настойчивым шепотом принялась объяснять правила поведения:

— Во дворце будьте настороже. Император — зловредный старик, а после смерти сына в прошлом месяце стал еще опаснее. Его приближенные — змеиное гнездо, один хуже другого, а заправляют всем, наравне с императором, коварные префекты претория. Сами ни к кому не обращайтесь, только отвечайте на вопросы, причем

кратко. Будьте вежливы, но лебезить не надо. Говорите правду, однако чем меньше вы ее раскроете, тем лучше. Главное — будьте осторожны! Помните, император — тот, кто приказал отравить вашего отца.

Она явно хотела добавить еще что-то, но мост остался позади и преторианцы вновь сомкнулись вокруг повозки плотным кольцом. Мать умолкла и направила взгляд на Палатин, вздымающийся вдалеке. Между нами воцарилось тягостное молчание, и к тому времени, когда повозка подкатилась к великолепному дворцу Тиберия, нервы были взвинчены до предела. И вот перед нами предстала величественная стена с полуколоннами, а по центру — высокий портик на мощном цоколе, на фронтоне которого красовалось изображение императора в виде молодого полководца, разящего германцев.

Признаюсь: я дрожала как осиновый лист, когда мы всходили по ступеням в прохладу портика. В пять лет немудрено испугаться вооруженных мужчин, которые могут убить тебя прежде, чем ты успеешь вскрикнуть!

Рядом очутился Калигула, положил руку мне на плечо в стремлении утишить мой страх. И это сработало, я немного успокоилась. Как только я перестала дрожать, брат отошел к Друзилле и взял ее за руку. Во мне опять проснулась ревность. С Друзиллой он был гораздо ближе, чем со мной, и я остро завидовала сестре, ведь Калигулу в нашей семье обожали все.

Мы оказались во внутреннем дворе, вымощенном колотым золотистым мрамором из Африки. Повсюду протянулись дорожки из травертина, а по периметру аккуратными, стройными рядами высились ухоженные тополя. Когда нас ввели во дворец, глаза не сразу привыкли к полумраку. Главное здание обширного дворцового комплекса — прямоугольный домус в самом его сердце — по-

ражало великолепием: просторное и высокое, обильно украшенное, но без дурновкусия восточных царьков. Ничего подобного я не видывала, и глаза метались по сторонам так, словно я не имела над ними никакого контроля.

Незаметно для меня преторианцев сменили германские телохранители императора. Четыре преторианца все еще были с нами, но остальные исчезли. Зато в разнообразных нишах и дверных проемах стояли бородатые северяне с ярко-рыжими шевелюрами и подозрительно взирали на нас, будто это мы были чужестранцами, а не они. Мне показалось забавным, что эти варвары охраняли того самого человека, который был запечатлен на цоколе портика разящим их соплеменников. По мере нашего продвижения вглубь дворца глаза Калигулы превращались в узкие щелки. Судя по его лицу, мы направлялись напрямик в смрадное чрево чудовища.

Пока я билась над вопросом, почему потребовалось набирать телохранителей из этих звероподобных дикарей, когда в полном распоряжении императора уже есть римский отряд наилучших воинов, нас сопроводили в огромный зал, увешанный полотнищами пурпурного, белого и золотого цвета. По углам горели жаровни, создавая в помещении уютную, пусть и слегка дымную, атмосферу. В центре фонтан в виде трех неправдоподобно пышных дев — вероятно, фурий — изливал вино в резервуар, откуда рабы периодически зачерпывали его кубками и, разбавив водой, подавали императору или кому-нибудь из его гостей. Эта роскошь лишала дара речи, хотя по малолетству я еще не могла осознать, насколько расточительно все увиденное.

Императора я отыскивала не сразу. Среди гостей я никого не знала, но полагаю, это все были высокопостав-

ленные особы, учитывая, сколь свободно говорил император в их присутствии.

Тиберий показался мне похожим на мертвеца. Я бы не удивилась, если бы он истлел и рассыпался прямо на моих глазах. И дело не только в возрасте, хотя молодость его давно миновала. Потом я встречала людей и постарше, чем он был тогда. Думаю, тут сложились и годы, и горести, и его тяжелый нрав, и, вероятно, хронические недуги, накопившиеся к тому времени. Он был высохшим и бесцветным, с истертой, будто старый пергамент, кожей. Но если его тело напоминало труп, то глаза горели острым умом и жестокостью. Я опять задрожала и постаралась спрятаться за высокими братьями.

— Госпожа Агрипина, — тусклым голосом произнес император, конечно имея в виду мою мать, а не сестру, носившую то же имя.

— Мой император, — ответила мать с сухой вежливостью, которая лишь на волосок отстояла от грубости, и опустила голову в поклоне, который прервался за миг до того, как стать почтительным. Тиберий заметил это, и взгляд его похолодел.

— Ты опоздала.

— Прости, мой император. Твои преторианцы забыли упомянуть о том, что визит назначен на конкретное время. Мы приехали сразу, как получили приказ.

Только в этот момент я обратила внимание на Сеяна. Император, проигравший в словесном поединке, метнул разъяренный взгляд на префекта претория, который в полном вооружении стоял неподалеку, но в тени. Когда Сеян помрачнел и нахмурился, у меня сердце ушло в пятки.

— Ты прощена. — Император махнул рукой и скупой улыбнулся. — Пусть твое семейство отдохнет. Лежанок

и подушек тут довольно. И ты, дорогая Агриппина, присядь.

Дорогая? Мой взгляд почему-то скользнул к брату Калигуле — и я увидела, что его пальцы нащупали и сжимают рукоять ножа под тогой. Лишь бы германцы не заметили, взмолилась я, потому что этот жест запросто могли воспринять как угрозу.

Нас, детей, усадили вместе — Агриппину слева от меня, Калигулу справа, за ним Друзиллу. На соседней кушетке села мать с прямой спиной, а не откинувшись, как предполагалось. Рядом пристроились двое моих старших братьев.

— Тебя не было на церемонии погребения, — обронил император, но за небрежным тоном явственно проступала желчность.

Взгляд Калигулы бегал по залу, подмечая настроение и реакцию каждого из присутствующих. Пока старшие братья вежливо внимали императору, младшего больше интересовали те, кто нас окружает. Теперь я знаю, что именно с их лиц он считывал истинные мысли и мотивации недоверчивого, скрытного от природы старика.

— Мой император, опять я должна просить прощения, — ответила наша мать. — Мне нездоровилось, путешествие оказалось выше моих сил.

— Путешествие? До Форума? Это что же за болезнь тебя гложет, дорогая моя госпожа?

Ответом ему было молчание. Мать не собиралась пускаться в объяснения, как бы ни давил старик. Все понимали, почему она не приняла участия в церемонии, но открыто сказать об этом не смели.

— Агриппина, я тоскую по сыну. Тоскую сильно. Не сплю. Часто плачу.

Эта внезапная перемена в императоре удивила нас всех, даже мать, и ее броня молчания треснула.

— Мой император, родители не должны хоронить сыновей.

И опять наступила тишина, нарушаемая лишь журчанием винного фонтана.

— Согласен, — наконец сказал Тиберий. — К несчастью, мне не позволена роскошь скорби. Рим зовет. Он всегда зовет. Всегда голоден и не оставляет меня в покое. Мои советники и наиболее настойчивые голоса в сенате постоянно напоминают о преемнике. Должно быть, они боятся, что я на пороге смерти — и причиной тому мой возраст. Наша империя целых полвека наслаждается внутренним миром, с тех самых пор как мой прославленный предшественник отобрал власть у того пса Марка Антония и основал династию.

Подбородок моего брата напрягся, а ладонь полностью охватила рукоять ножа. Великий друг Цезаря Антоний был одним из наших предков, и слова Тиберия прозвучали как оскорбление.

— Моя династическая линия погибла вместе с моим сыном, — уныло и монотонно продолжал император. — В результате преемственность оказалась под вопросом, и старые болтуны-сенаторы опасаются новой гражданской войны, если мы не сделаем все быстро и правильно.

— Мой император, сенаторы мудры, — негромко заметила мать. — Преемственность — вопрос величайшей важности.

— Да не собираюсь я завтра умереть! — взорвался Тиберий, и мне показалось, что его гнев обратился в дым и поплыл по залу, потом император испустил еще один тяжелый вздох и ссутулился в кресле. — Агриппина,

я принял решение. Несмотря на наши с тобой разногласия, муж твой был моим племянником, а я любил брата — его отца — больше всех на свете. Германик умер, но я не допущу, чтобы ваш род угас в неизвестности. В конце концов, вы принадлежите дому священного Цезаря. Я уже поведал сенату о своих намерениях. Твои старшие сыновья Нерон и Друз будут назначены моими преемниками вместо моего сына, и, прежде чем ты спросишь почему, я кое-что объясню тебе. Мне известно, что ты меня не любишь и не доверяешь. Я питаю к тебе примерно такие же чувства, пусть и в меньшей степени. Но ты никогда не скрывала своих взглядов и, несмотря на взаимную неприязнь, по-прежнему относишься ко мне как к своему императору и дальнему родственнику. За четыре года в столице ты ни разу не вступала в заговор против меня и не искала встреч с моими врагами. То же верно и в отношении твоих детей. Среди моих приближенных... — взмахом руки Тиберий обвел безымянное собрание в зале, — есть такие, которые притворяются моими лучшими друзьями и соратниками и в то же время интригуют против меня, полагая, что я ни о чем не догадываюсь.

Внезапно послышалось громкое бульканье, и все взгляды метнулись в направлении звука. Молодой мужчина в богатой тоге начал дергаться и задыхаться, а по белоснежным складкам его одеяния поползли алые пятна. Префект претория Сеян со спины перерезал мужчине шею мечом, затем аккуратно обтер клинок о ковер и сунул в ножны. Тем временем несчастный придворный повалился на пол, в алую лужу.

Мне стало дурно. Воздух наполнился запахом крови, и ее сладковатый привкус не могла заглушить даже вонь от испражнений несчастного. Но ужаснее запаха и всей сцены было понимание того, что на моих глазах у чело-

века отняли жизнь. Отняли жестоко и хладнокровно. Не помню точно, но вроде бы меня вырвало.

В первый раз я видела, как гибнет человек, но далеко не в последний.

А вот Калигулу, сидящего рядом со мной, занимал, как ни странно, не окровавленный труп, а темный убийца позади него. По лицу брата я поняла, что он запомнил все нюансы мимики префекта до последней мелочи.

Потом заговорил как ни в чем не бывало император, и моя мать вновь обратила на него все свое внимание.

— Видишь ли, — смиренно пояснил Тиберий, — скорее я доверюсь надежному врагу, чем ненадежному другу. Нерон будет моим первым преемником, а Друз — вторым.

— На тот случай, если один из них погибнет, — без выражения произнесла наша мать.

Преемники умирают по множеству причин, и вряд ли матери понравилась идея императора, навлекающая на ее сыновей смертельную опасность.

— Агриппина, однажды меня уже застали врасплох. Сейчас ты даже не пытайся спорить. Думай только о том, какую честь я оказываю твоим детям. В любом случае дело сделано. Мне не нужно ни твое разрешение, ни одобрение. Я просто сообщаю тебе о том, что решил.

Нерон и Друз уставились на императора в немом изумлении. Только представьте, каково это — узнать, что ты выбран из огромного числа с равными или даже большими, чем у тебя, правами и назван наследником целого мира! Но я могла думать только о том, что чувствует сейчас младший из моих братьев.

Пока император беседовал с матерью, я повернулась к Калигуле и краем глаза заметила, как Сеян щелкнул